

Творец невидимого фронта

«Птица. Рыба. Александр» в Музее архитектуры имени Щусева

ВЫСТАВКА дата

В Государственном музее архитектуры имени Щусева открылась выставка «Птица. Рыба. Александр» памяти умершего в прошлом году художника Александра Белослудцева.

Название это — странное, но хотя бы привлекающее внимание — дано очень маленькой выставке, объединившей не столько в зале, сколько в комнате анфилады Музея архитектуры несколько фотографий, несколько каллиграфических листов, несколько обложек, несколько книг. Размер ее на первый взгляд удивляет — мемориальные выставки, мы привыкли, захватывают целые музеи, хотя масштаб художника и масштаб его вещей связаны далеко не в прямой пропорции.

Здесь пропорция обратная. Александр Белослудцев принадлежал к компании молодых художников, в 80-е годы еще не знавших, что им предстоит создать школу российского графического дизайна.

Выставка Александра Белослудцева — история о том, как каллиграфия растворилась в глянце

ФОТО ПАВЛА СМЕРТИНА

ческого дизайна. Прошлое поколение — отцов и детей легендарного издательства «Книга», Михаил Аникст, Аркадий Троянker — верило в науку и в производство. Оно осваивало новейший фотонабор, прогрессивный офсет, мечтало о новой технике. Но техники этой в реальности было так мало, что они всю ее и заняли. У идущих за ними простора уже не было. Возможно, поэтому в 90-х они поставили на штучное производство. Все они начинали с каллиграфии — искусства, освобождающего голову и дисциплинирующего руку.

В то время когда «Макинтоши» в Москве считали на десятки, государственные типографии гнали халтуру, а частные печатни только набирали силу, каллиграфические выставки Белослудцева имели большой успех у таких же, как он, фанатов ручного труда. Его листы с написанными мокрой кистью размашистыми елками, солцами и перцами (то ли болгарскими, то ли человеческими) были и вправду замечательны. Если бы он стал развивать эту сторону своего таланта, он был бы сейчас, возможно, видным

графиком в свитере крупной вязки с мастерской, заваленной испачканной бумагой.

Он остановился и взялся за поденную работу в глянце: журналах, начав делать то, что тогда никто не умел делать. Все тогда начинали одновременно. Александру Белослудцеву достался коммерсантовский «Автопилот», и под дружное осуждение арт-тусовки он начал двигать по полосам цветные картинки. Потом появился русский Vogue, потом русский GQ, он все прочнее связывался с «глянцем». Со временем обнаружилось, что мнимая несвобода в работе отнюдь не мешала свободе думать и делать. Наоборот.

Друзья вспоминают, как он уезжал снимать питерские дворцы и подмосковные усадьбы, ходил на концерты классической музыки и тщательно выбирал своих новых знакомых и свою новую одежду. В мнениях был очень язвительным, даже злым — но умел при этом никого не обижать, потому что всегда держал очень художественную дистанцию. Он умер, и друзья сделали его выставку, чтобы воздать ему должное.

Каллиграфия - 2005 - 2 ноября - с. 22

Что же показала выставка, сделанная одним из лучших музейных кураторов, Аркадием Ипполитовым, и одним из лучших графических дизайнеров, Андреем Логвиным? Итого не впечатляюще, не музейны: никого не удивишь ни обложками под стеклом, ни книгами, ни каталогами, ни фотографиями, как бы они ни были хороши, как бы ни говорили об отличном глазе и безошибочном вкусе. Просто наступает век, когда творчество не оседает в папках, не остается в книгах, а улетает в бесконечную трубу печатной машины, в электронные письма, в несуществующие на бумаге JPG, в гуляющие по сети MPG. То, что сделано, на музейной выставке не покажешь — на музейной выставке ее герой окажется лишь талантливым воскресным художником, умело использовавшим нерабочее время. Александр Белослудцев умер первым из поколения классических художников новой эпохи. Это поколение не оставляет привычных следов, но гордо не делает из этого факта никакой трагедии.

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ